

К методологическому портрету историка

ТОСКА ПО МЕТОДУ: М. В. НЕЧКИНА И ЕЕ ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ «РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА»

В. В. Тихонов

Институт российской истории РАН, Москва, Россия. tihonovvitaliy@list.ru

Статья посвящена первой монографии М. В. Нечкиной «Русская история в освещении экономического материализма» (1922). Подробно описывается история создания исследования, которое рассматривается как теоретико-методологический полигон для молодого историка, стремящегося выработать собственный подход к историческому исследованию. Подчеркивается, что книга отразила многочисленные методологические веяния, свойственные процессу перехода от классической к неклассической модели науки. Это же стало причиной внутренней противоречивости работы М. В. Нечкиной. История монографии рассматривается и через призму стратегии Нечкиной вхождения в академическое сообщество. Источниковой базой статьи стал текст самой монографии, личные и рабочие дневники Нечкиной, а также ее библиографические заметки, отложившиеся в личном архивном фонде. На основе использованных источников показывается, что Нечкина постаралась сформулировать новаторский для того времени подход к историографическому исследованию, сутью которого стал анализ методологии и концепций исторических трудов в тесной связи с личностью их творца.

Ключевые слова: *история исторической науки, М. В. Нечкина, исторический материализм, неклассическая наука*

Первая монография М. В. Нечкиной занимает особое место в ее научном творчестве. И не только потому, что она стала ее первым крупным исследованием, но и в силу того, что книга оказалась своеобразным полигоном теоретико-методологических поисков молодого ученого. В имеющейся исследовательской литературе первой монографии Нечкиной уделялось незаслуженно мало внимания. В советское время она либо вообще не упоминалась [Черепнин: 1984, С. 264–279], либо упоминали сам факт ее появления, рассматривая ее издание как показатель исследовательского потенциала историка и его стремления усвоить материалистическое понимание истории [Вандалковская, Дунаевский: 1987, С. 8; Вандалковская: 2001, С. 3–11; Федоров: 2001, С. 691; Сидорова: 2014, С. 158–169].

Впервые исследование было подробно рассмотрено в диссертации А. Н. Гребенкиной «Научно-педагогическая деятельность М. В. Нечкиной в начале 20-х годов: казанский период». Автором было отмечено, что работа состоит из двух частей: теоретико-методологической и историографической. «Заметно в книге стремление ее автора предложить свою методику исторического исследования. В этом плане были достигнуты определенные успехи, которые в начале 1920-х гг. несли в себе новацию» [Гребенкина: 1992, С.

14], – осторожно пишет А. Н. Гребенкина. Но в оценке книги автор пошла за критиками Нечкиной, которые еще в 20-е гг. обвиняли ее в смешивании понятий «исторический» и «экономический» материализм.

Настоящее «открытие» книги пришлось на последнее десятилетие. Особое внимание на это издание обратил известный библиограф и специалист по истории исторической науки И. Л. Беленький [Нечкина: 2005, С. 192–207; Беленький: 2011, С. 16–47]. Несомненным достижением И. Л. Беленького является попытка проанализировать появление монографии в контексте развития Нечкиной как личности, для чего были привлечены введенные к тому времени в научный оборот ее личные и рабочие дневники.

Анализ историографических исследований М. В. Нечкиной был предпринят Е. Ю. Черной [Черная: 2014]. В диссертации предлагается попытка комплексного изучения историографического наследия ученого, в том числе и монографии «Русская история в освещении экономического материализма». Представляется, что не самым удачным ходом стало выделение из монографии теоретической и конкретно-историографической частей и исследование их в отрыве друг от друга. Это искусственное разделение не позволяет дать целостный анализ монографии, и мешает понять

ее инновационный потенциал. Кроме того, работу Е. Ю. Черной можно упрекнуть в недостаточно прописанном культурном, теоретико-методологическом и историографическом контексте, в котором появилась книга Нечкиной.

Можно констатировать, что сложившаяся историографическая ситуация отличается отсутствием внимательного исследования первой монографии М. В. Нечкиной. Между тем, на эту работу следует смотреть не только как на историографический памятник, но и как исследование, обладающее достаточно высоким эвристическим потенциалом и для современной исторической науки.

Первую книгу Нечкиной можно рассматривать как минимум в двух ракурсах. Во-первых, с точки зрения ее стратегии вхождения в научную среду. Во-вторых, в контексте методологических трансформаций и исканий первой трети XX в. Издание дневников Нечкиной позволяет рассмотреть написание монографии как динамичный, напряженный и противоречивый процесс.

При их чтении бросается в глаза не только жажда молодой девушки посвятить себя науке (гуманитарной), но и амбициозное желание вывести знание об обществе на новый уровень. Первоначально особое внимание Нечкиной привлекала социология [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 71]. Социология начала XX в. отличалась именно своей ориентацией на широкие теоретические обобщения и стремлением выявить внутренние универсальные механизмы функционирования общества. Еще одной характерной чертой отечественной социологической традиции являлся ярко выраженный психологизм, то есть придание психологическим факторам важного, а иногда и определяющего значения в развитии общества [Кареев: 1996]. Данная черта усилилась бурным развитием на рубеже XIX–XX вв. психологии как особой науки (фрейдизм, бихевиоризм и т.д.). Учитывая увлечение молодой Нечкиной социологией, становятся понятными некоторые истоки психологического компонента в ее методологическом инструментарии (об этом см. ниже).

Примечательно личностное восприятие Нечкиной науки, в частности социологии. Приведем один отрывок: «Ковалевский умер! Эта смерть, не знаю почему, произвела на меня большое впечатление: мне было так больно. Почему? Может быть, потому, что имя его связано у меня с самым дорогим для меня понятием – с социологией. Не знаю, какое чувство заставило меня это сделать: может быть, то же, которое заставляет меня каж-

дый вечер молиться за упокой души Гюйо и Джона Стюарта Милля» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 77].

Но увлечение Нечкиной социологией нельзя назвать слепым. Ее отдельные записи свидетельствуют о критическом взгляде на социологические и психологические методы. Так, в полудневниковом сочинении «Мысли о книгах», которое Нечкина вела с 15 июня 1918 – 27 января 1922 и куда записывала свои впечатления о прочитанном, в самом начале (т.е. можно предположить, что запись относится к 1918 г.) можно найти следующее высказывание: «Мне кажется, что ни психологический, ни социологический анализ не дадут научных, т.е. вполне объективных, весьма приличных данных. Самое ценное в книге, по моему, – программа эстетического анализа: изучения сначала словаря писателя, затем построения фраз, сцен, глав и, наконец, всего романа (например)». Конечно же, оно относится к художественной литературе, но сам факт того, что Нечкина сомневается в универсальности социологических и психологических методов – очень показателен.

Постепенно интересы расширялись. Все больше увлекала история (как основа для социологических обобщений). Но, выбирая специализацию в университете, Нечкина колебалась. «Прежде я не колебалась – исторический [факультет], но... теперь нет. Я хочу истинной науки, а история не есть таковая» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 87], – делает неожиданное признание Нечкина. Ее цель – изучение социальных наук. И все же выбор падает на историко-филологический факультет. Видимо его программа, несмотря ни на что, ближе к социальным наукам. Забегая вперед, отметим, что интерес Нечкиной к социологии – важный факт. Он отчасти объясняет ее выбор в качестве темы конкурсного сочинения, переросшего в монографию, не конкретно-исторической темы, а историографического анализа направления, характерной чертой которого являлось нацеленность на широкие социально-экономические обобщения.

Все время обучения в университете Нечкина напряженно работала. Для себя она выработала «правило концентрации внимания» – «известный период времени заниматься только чем-нибудь одним, таким образом оберегается целостность мысли, и в две недели, только в две недели можно сделать многое» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 101]. Тексты Нечкина старалась писать сразу набело. Этому принципу она будет следовать и в дальнейшем. А время не способствовало концентрации. В стране прошла

революция и бушевала гражданская война. Жить было трудно и из-за бытовых неурядиц, и из-за разрухи и напряжения в обществе.

Но научные вопросы волнуют Нечкину не меньше того, что твориться в стране, а то и больше. В первую очередь не дает покоя вопрос метода. Запись в дневнике от 6 ноября 1919 г.: «Вся трагедия нашей науки в том, что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной. В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное. И сейчас же, вовремя записи, в мысли приходит вопрос о методологическом основании. Прямо тоска по методу поднимается в душе. И, главное, не по тому методу, который дается профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, дает возможность доказать противоположное. Я все это еще смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 103].

Итак, Нечкина стремилась найти метод, позволяющий получить непротиворечивое знание. Кстати, она пытается найти именно метод, а не выработать целостную теоретико-методологическую систему (хотя отчасти это и подразумевается). В этом проявилась и еще одна черта эпохи – растворение методологии в методе [Сафронов: 1976, С. 162].

Поразительным образом, «тоска» студентки Казанского университета совпала с напряженными теоретико-методологическими поисками мировой науки. Напряженно работая, читая и анализируя огромное количество научной литературы, Нечкина интуитивно уловила, что в мире идет поиск новых подходов и методов. В конце XIX – начале XX в. в науке проходил процесс очередной научной революции, заключающийся в переходе от классической к неклассической модели [Степин: 1992, С. 179; Степин, Горохов, Розов: 1996, С. 294–296; Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов: 2016]. Характерной чертой перехода стал отход от поиска универсальной теории и метода. На этом фоне амбициозное стремление Нечкиной сформулировать универсальный метод выглядит как иллюзия начинающего ученого.

Научная революция совпала с социально-политической революцией 1917 г., приведшей к разрушению привычного мира, что не могло не стимулировать поиск новых теоретико-методологических подходов к объяснению окружающей реальности. Не случайно, что широкое распространение в это время приобретают рассуждения

о кризисе исторической науки, не сумевшей предсказать и объяснить глобальные кризисы и потрясения [Виппер: 1921]. Для нас важно, что научная (шире – интеллектуальная) революция шла рука об руку с социально-политической. Таким образом, эпистемологические трансформации переплелись с онтологическими.

В гуманитарном знании это выразилось в поиске альтернатив классическому позитивизму и эволюции самой позитивистской парадигмы. Историческая наука также не оказалась в стороне, в ней стало заметнее усиление акцента на конкретном человеке как субъекте исторического процесса и его психологии. Так, В. Дильтей утверждал, что «задача исторических и социальных наук – анализ данных человеческого сознания». Неокантианцы постулировали тезис о том, что знание – это продукт человеческого сознания. Особый стимул развития в этих условиях получила психология. Более того, психологизм стал проникать в теоретико-методологические построения историков.

Историческая наука, несмотря на свойственный ей методологический консерватизм, не могла не заметить происходивших в гносеологии трансформаций. Сейчас очевидно, что это был кризис роста, перехода к новой парадигме [Рамазанов: 1999; Леонтьева: 2015, С. 68–75]. Наиболее отчетливо ситуацию кризиса исторического познания сформулировал Р. Ю. Виппер, с работами которого Нечкина была хорошо знакома.

Огромное впечатление на Нечкину произвела книга Р. Ю. Виппера «Очерки теории исторического познания» (М., 1911). Ученый стал наиболее ярким выразителем эмпириокритицизма в исторической науке. Его основоположниками считаются Э. Мах и Р. Авенариус, которые, опираясь на философскую традицию, идущую от Юма и Беркли, а также на новейшие достижения науки, доказывали, что необходимо обратить особое внимание на познающего субъекта, его психологию и восприятие реальности.

Со взглядами Виппера солидизировалась и Нечкина: «Ее [книги Р. Ю. Виппера. – В. Т.] смысл: историческое знание почти сплошь – фикция: мы изучаем не историю, а наше представление об истории, которое изменчиво и действительности не соответствует; исторические периодизации – наши измышления... понятие о факторах – грубо... В своем скепсисе Виппер прав и мы изучаем именно не историю, а то, что мы думаем об истории». Далее Нечкина развивает концепцию Виппера: «Но недоконченность книги Виппера как раз в том, что он не указал, что это – единственно

возможный для человека подход, существующий во всех науках (особенно здесь важен тот пункт у Виппера, что он доказывает тождество методов естественных и исторических наук), а затем – это т[ак] ск[азать] «фиктивное» знание человечеству нужно. Историческое знание строится – ясно – по типу любого знания, – с[оо]тв[етственно]. Построение человеческого ума, которое, по Випперу, и изучаем мы в истории, – и восприятие действительности... – и искусство. Все один тип. Это важно отметить. Это – единственно возможное и единственно нужное познание». Итак, Нечкина встает на позицию, по которой в работе исследователя историческая реальность является не только отражением, точнее восприятием, но и возникает как следствие творческого усилия. Фактически речь идет о конструировании образа прошлого. Несомненно, эту позицию нужно расценивать как эмпириокритицизм.

Нечкина, конечно же, вряд ли отчетливо осознавала, что ее поколение стало свидетелем смены научных парадигм. Но, даже будучи начинающим ученым, она понимала, что в науке происходят серьезные изменения. В этих условиях выбор историографической проблематики первого исследования для молодого ученого, стремящегося выработать целостную методологическую систему и найти себя в науке, выглядит вполне логично. Тем более, что историография увлекала Нечкину [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 99].

Ко всему вышесказанному нужно добавить и то, что Нечкина – человек «серебряного века». Поэтому ее занятия наукой тесно переплетаются с поэзией и искусством. «Многие добрые знакомые упрекают и удивляются, особенно хороша фраза: “Ведь искусство не ваша специальность”. И только одна я знаю, что все эти разнообразные темы спаяны одной: человек» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 134], – записала она в дневнике 31 декабря 1921 г. Через поэтические образы она осмысливала и свое научное творчество. Она могла назвать свою исследовательскую работу «призраком», а в историографическом анализе очень большое внимание уделяла стилистике.

Написание конкурсного сочинения, представляемого на суд ведущим специалистам университета, являлось традиционным для российских университетов способом выявления студентов, способных к научно-исследовательской работе, и оставляемых в дальнейшем для «приготовления к профессорскому званию» [Алеврас, Гришина: 2014, С. 77–90; Иванов: 2016, Глава IV]. Почти все известные ученые проходили через подоб-

ные конкурсы. Понятно, что Нечкина, мечтавшая о профессорской карьере, не могла пропустить такую возможность зарекомендовать себя с лучшей стороны. Впрочем, стремительная реформа университета, пришедшая на революционные годы, отчасти разрушила устоявшуюся систему [Гришина: 2011, С. 172–180; Гришина: 2014, С. 122–145]. Насколько можно судить, правила привлечения преподавателей теперь не носили универсального характера. Так, в 1920 г. Казанском университете было решено, что для допуска молодого преподавателя к ведению занятий в университете необходимо следующее: «1) рекомендация аспиранта со стороны профессора-руководителя; 2) представление аспирантом самостоятельной научной работы в печатном или рукописном виде <...>; 3) коллоквиум в заседании соответствующего факультета или отделения научной института по вопросам, связанным с представленной научной работой; 4) две пробные лекции» [Гришина: 2016, С. 160]. Таким образом, для Нечкиной, мечтавшей связать свою жизнь с университетом, написание конкурсного научно-исследовательского сочинения должно было стать пропуском в университетскую систему. Правда, по мере работы над сочинением стало ясно, что Нечкину оставят при университете и без него.

Тему, связанную с экономическим материализмом, Нечкиной подсказал преподаватель Казанского университета П. Г. Архангельский (1884–1921) [Астафьев, Галлиулина, Мальшева, Сальникова: 2003, С. 74], ставший ее научным руководителем. В предисловии к изданию «Русской истории в освещении экономического материализма» Нечкина указывает, что тема была сформулирована историко-филологическим факультетом следующим образом – «Приложении теории экономического материализма к изучению русской истории в трудах русских ученых (Критико-библиографический обзор трудов данного направления в развитии науки)».

Первое упоминание о конкурсном сочинении можно найти в записи от 26 декабря 1919 г. [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 95]. Уже тогда Нечкина понимала, что тема обширная и потребует мобилизации в короткий срок очень большого количества источников. «Тема, данная Архангельским по русской историографии, необыкновенно хороша всем, кроме определенного срока» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 103], – сетует автор дневника. Здесь же она намечает план работы над темой: «Путь дальнейших занятий для меня ясен: сначала политическая экономия, потом теория исторического

материализма, потом работа над сочинением не во имя составления ясного мнения о Покровском, Рожкове и др[угих] русских историков, а во имя утверждения методических приемов, по которым я тоскую» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 104].

21 июня 1920 г. был готов план сочинения: «Он [план. – В. Т.] поразил меня своей изящной простотой. Это было необыкновенное счастье. Я вся ходила какая-то светлая» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 112]. Она разработала план, включающий несколько «ступеней» освоения материала для написания исследования: 1) историю культуры; 2) историю народного хозяйства; 3) политическую экономию; 4) исторический материализм и 5) сочинение [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 106].

В уже упомянутом сочинении «Мысли о книгах» отражена ее рефлексия над работой. Она писала: «В ходе моей работы в сущности огромную роль сыграл тот факт, что теория экономического материализма не имеет своего основного труда, своего Евангелия, от изучения которого было бы легко и удобно начинать знакомство с теорией». И еще: «Экономический материализм в сущности не имеет отца – и с этим надо примириться. У него был только ряд нянек и главной все же является Энгельс, а не Маркс, как мне сейчас кажется, работавший меньше над самой теорией. Развитие теории началось очень рано, чуть не со дня ее рождения и она очень быстро пережила историю целого ряда изменений. Т[уган]-Барановский прав, пожалуй, приписывая теории самостоятельную жизнь, помимо желаний автора, и при ее восстановлении необходимо руководствоваться ее логической структурой. Развивалась теория в пылу полемики..., что не могло на ней не отразиться». Итак, Нечкина делает важный вывод об отсутствии четкой генеалогии теории. Это позволяло говорить не только о ее сложносоставном характере, но и утверждать о неизбежности и закономерности ее появления, не зависящего от интеллектуальных усилий какого-то конкретного автора.

Через полгода напряженной работы над проблемой Нечкиной стало казаться, что имеющийся материал настолько объемён, что тему нужно сузить. Она хотела ограничиться анализом трудов М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова. Но против этого выступил научный руководитель П. Г. Архангельский, настаивавший на том, что нужно дать характеристику всему направлению. В сердцах Нечкина даже хотела отказаться от написания работы, но уже вечером того же дня остыла:

«Страшно больно бросать. Это [сочинение] – призрак, фетиш, как и все у меня, но я молилась и жила им целый год» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 167]. И еще: «Моя работа, мое сочинение – это идол, мой каменный бог, и я, молящаяся ему, уже знаю, что он из холодного камня и вовсе не бог. Разбить его? А во имя чего разбивать?» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 111–112]. Выход был найден в том, чтобы подвергнуть изучению только самые главные труды, написанные в русле экономического материализма (о том, по какому принципу они отбирались – ниже).

Работа осложнялась не только обилием материала, но и бытовыми трудностями сложного времени. Нечкина переболела «испанкой», ее отца арестовали красные, а сама она не знала, от кого прятать дневник – от красных или белых. Впрочем, симпатии молодой Нечкиной были скорее на стороне нового строя, и ей не чужда была революционная романтика. Кроме того, Нечкина работала в библиотеке и активно участвовала в культурной и научной жизни Казани. Тем не менее, она постоянно думала об исследовании: «Ловлю себя на мысли, что все подвожу под экономический материализм» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 169].

5 сентября 1920 г. текст был готов: «Кончила сочинение на тему “Приложение теории экономического материализма в русской истории”. Это случилось в 7 ч. вечера без 2 минут. В сочинении 644 страницы» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 176]. Интересно, что по окончании работы Нечкина составила «диаграмму интенсивности писания сочинения».

Впрочем, в дневнике можно обнаружить записи о том, что она еще некоторое время «возилась с группировкой мыслей для “ликвидации” сочинения» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 177] – запись 8 сентября. О «ликвидации сочинения» говорилось и в уже частично процитированной записи от 5 сентября 1920 г. Скорее всего, под «ликвидацией» подразумевалось написание тезисов, завершавших основной текст. Окончательная точка в работе была поставлена 10 сентября: «Завернула сочинение в белую бумагу, написала адрес – в факультет, тему и девиз. В левом верхнем углу конверт с девизом и фамилией. Удивительно красиво. Долго сидела ночью, глядя на него» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 177].

В «Мыслях о книгах» Нечкина признавалась: «При перечитывании моего сочинения я заметила, что уже со многим не согласна. Вообще, для

автора необходимо первому [подчеркивание М. В. Нечкиной. – В. Т.] написать критику собственного произведения. Это вопрос чести».

12 сентября 1920 г. в «Мыслях о книгах» Нечкина попыталась зафиксировать свое психологическое состояние при написании исследования: «Основная характерная его [состояния. – В. Т.] черта, это то, что оно не было ровным. Я испытала много тяжелых состояний, много было самых черных и тоскливых дней, когда приходилось работать со стиснутыми зубами. Доминирует в воспоминании мысль об усталости. Но были такие яркие счастливые дни, которых нельзя забыть... Это – огромное, ослепительное, лучезарное счастье, это – восторг идеи. Особенно ярко вспоминается воскресенье 20-го июня, когда я написала план всего сочинения, поразивший меня простотой. Это передаваемо только музыкой. Вся история написания моего сочинения резко переломлена тяжелым днем 25 мая и особенно ночью 26-го мая. Это – ужас, даже вспомнить страшно. Я всю ночь навзрыд плакала. Это были дни, когда я совершенно перестала верить в себя, убедившись, что сочинение в том виде, в котором я хотела его исполнить – невозможно в оставшийся срок. После этой ночи я резко изменила план сочинения. Сейчас я очень устала... Непосредственно я не ощущаю сейчас ни радости, ни не радости. Какая-то апатия. И в то же время, – то, что я взяла от сочинения, – масса знаний, счастье научной работы и т.д., и т.д. – это гораздо больше, чем мнение профессора-рецензента и какая-то медаль».

Сочинение было высоко оценено и удостоено медали [Беленький: 2011, С. 17]. Известный казанский профессор Н. Н. Фирсов отзывался о работе как об «очень интересной» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 136]. Из-за напряженной работы над конкурсным сочинением М. В. Нечкина не успела сдать несколько экзаменов, необходимых для окончания университета. Здесь же следует упомянуть и «соблазн активизма», которого Нечкина не избежала, принимая участие в общественной жизни Казани. Проблема заключалась в том, что с июня 1921 г. историко-филологический факультет преобразовывался в факультет общественных наук (ФОН). Администрация и профессорско-преподавательский состав пошли на встречу способной выпускнице и ей было выдано удостоверение об окончании университета на бланке ликвидируемого факультета с условием, что оставшиеся экзамены она сдаст позже [Дневник М. В. Нечкиной: 2003, С. 75–76].

В начале 1922 г. начинается подготовка исследования к изданию отдельной книгой. 13 февраля

Нечкина работала с корректурой. «Работа кажется в печати какой-то более умной, чем в рукописи» [«И мучилась, и работала невероятно»: 2013, С. 136], – записывает она в дневнике.

Такова история монографии «Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк)». Теперь обратимся к ее анализу. Начнем с композиции. Монография внешне имеет простой состав – Предисловие и основную часть, включающую шесть глав. Но внешняя простота обманчива. Фактически основная часть книги разбивается на три компонента: теоретико-методологическая первая глава, имеющая самостоятельное значение; главы II-V посвящены конкретно-историографическому анализу; наконец, последняя глава – это тезисы, концентрирующие основные выводы. Каждую из перечисленных частей можно анализировать не только в контексте общей архитектоники монографии, но и как относительно самостоятельные тексты.

В предисловии автор пытается четко сформулировать проблематику исследования. Признавая сложность изучения экономического материализма как течения относительно молодого и малоизученного, и связанные с этим сложности в его изучении, Нечкина сформулировала методологический базис экономического материализма – «признание экономического монизма» (С. II, 29).

Следует отметить, что здесь она не была оригинальна. Например, М. Н. Покровский в известной брошюре «Экономический материализм» (1906) давал схожее определение: «Экономическим, или иначе “историческим” материализмом называется такое понимание истории, при котором главное, преобладающее значение придается экономическому строю общества и все исторические перемены объясняются влиянием материальных условий, материальных потребностей человека» [Покровский: 1906, С. 3]. Интересно, что Покровский разводит экономический материализм и марксизм. Со свойственным ему схематизмом, первым он называет «исторический материализм» без классовой борьбы, второй – с классовой. В начале 20-х гг., когда начинается борьба с «экономизмом» (являющаяся отголоском дискуссий в среде русских марксистов начала XX в.), и происходит утверждение исторического материализма как новой «азбуки строителей нового общества», любое отождествление «экономического» с «историческим» материализмом могло иметь и политические последствия.

Первая глава носит название «Историографическое изучение исторических работ». К тому

времени отечественная историческая наука накопила довольно солидный опыт историографических исследований. По мнению Р. А. Киреевой, сформировались два основных подхода. Первый предполагал накопление и констатацию историографических фактов (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников), второй делал акцент на изучение историографических концепций в социально-политическом контексте [Киреева: 1983, С. 95–96]. Несмотря на определенную институционализацию историографических исследований, среди специалистов все еще продолжались споры об объеме понятия «историография». Так, ряд специалистов включали обзор исторических источников в историографические курсы, в то же время как другие считали, что это предмет источниковедения. Нечкина, отчетливо встала на вторую точку зрения, подчеркнув, что «историография занимается не источниками, а их обработкой» (С. 11).

Оценивая опубликованные крупные труды по истории исторической науки, Нечкина отметила относительно слабое исследование отечественного историографического процесса, приводящее к тому, что остаются значительные лакуны в его изучении. Кроме того, она подчеркивает недостаточную разработку методики историографического исследования, когда различные памятники исторической мысли анализируются с разных точек зрения и в дальнейшем это не позволяет провести их сравнительное изучение. Наиболее полно, с точки зрения Нечкиной, историографический подход был представлен в известной книге П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли». Факт комплиментарного упоминания одного из врагов большевистского режима (правда, не в политическом контексте) сам по себе любопытен и свидетельствует об относительной интеллектуальной свободе в советском обществе начала 20-х гг. Видимо, именно работа Милюкова оказала самое сильное влияние на начинающего ученого.

Особое внимание Нечкиной к методике историографического исследования не случайно и обусловлено слабостью ее разработки и личным стремлением автора выработать четкие параметры такого исследования («тоска по методу»).

Нечкина подчеркивает следующие базовые принципы. Первое – теория и конкретные исследования далеко не всегда совпадают, и здесь требуется особое внимание. Второе – мобилизация всей совокупности работ изучаемых историков. Но это крайне сложно и не всегда возможно. Поэтому исследователю следует выделить основные и второстепенные труды.

Оттолкнувшись от этих принципов, Нечкина предлагает алгоритм историографического исследования, предполагающий комплексное изучение научного творчества и его результатов. Необходимо подчеркнуть, что для нее предметом анализа становится не только содержание научного текста (фактура и концепция), но и стилистика ученого, манера мыслить. Таким образом, исторический текст рассматривается как часть культуры эпохи и продукт индивидуального научного творчества.

Для Нечкиной изучение истории исторической науки было возможно только через анализ всего процесса создания научного труда с особым акцентом на личности ученого. Она исходила из того, что науку делает человек и в этой связи утверждала, что «единственно правильной постановкой вопроса будет постановка психологическая» (С. 16). В решении одного из ключевых вопросов в изучении истории науки – вопроса о влиянии идей одного ученого на другого – М. В. Нечкина отказывается от «механического» (в ее терминологии) признания влияния на основе простого совпадения концепций или их компонентов. Более того, М. В. Нечкина считала, что адекватно решить проблему можно только специально обратившись к «психологии влияния». «Вся историография – русская или какая-либо иная – представляет собой сложную и непрерывную сеть влияний, заимствований, исправлений, новых изобретений, отрицательных влияний – прямых и косвенных и т.д., т.е. представляют собой ряд фактов психологического порядка» (С. 20), – писала М. В. Нечкина. Замечу, что в данных идеях можно увидеть прообраз популярной ныне сетевой модели изучения научного сообщества [Коллинз: 2002; Колесник: 2013, С. 105–137; Суслов: 2017, С. 102–107]. Кроме того, можно с уверенностью констатировать общий антропологический вектор методологических поисков Нечкиной.

Парадокс ситуации, в которой оказалась Нечкина, заключался в том, что постулировав «антропологический» подход к изучению историографии, она анализировала направление, принципиально умаляющее человеческий фактор. Впрочем, Нечкина стремилась опровергнуть (со ссылкой на К. Каутского) «вульгарное» понимание экономического материализма как направления, полностью отрицающего самостоятельность других областей общественной жизни. По ее наблюдениям, сторонники экономического материализма снимали проблему связи человека и экономики его эпохи при помощи указания его классовой принадлежности. Но это не решало, по

мнению Нечкиной, явно слабой разработанности в экономическом материализме проблемы личности в истории.

Нечкина отчетливо ставит и вопрос о том, насколько можно рассматривать историографию как «отдельный самостоятельный процесс». Несмотря на заверения, что она не будет пытаться его разрешить окончательно, Нечкина делает вывод о несамостоятельности исторической мысли и ее сильной зависимости от общества и идеологии. Таким образом, она становится на экстерналистскую позицию, что, кстати, вполне вписывается в марксистскую социологию науки [Ив: 2017, С. 77]. Напомним, что еще К. Маркс в «Нищете философии» (1847) доказывал прямую зависимость идей от общественных отношений. Такой ракурс требовал от Нечкиной изучения экономического материализма как социального и культурного явления. Впрочем, ниже будет видно, что в монографии основной акцент будет сделан на внутренних факторах развития экономического материализма как течения. Это противоречие между теоретической декларацией и конкретным исследованием заметно на протяжении всей монографии.

После теоретического введения следует подробный анализ направления. Нечкина отказалась от хронологического подхода, а решила проанализировать труды его представителей «систематически», по группам, выделенным по принципу схожести поставленных и решаемых проблем.

Нечкина подчеркивает, что экономический монизм – критерий включения/исключения трудов в исследуемое течение. В дальнейшем автор довольно строго следовала этому критерию. Представляется, что такой подход оказался не вполне удачным, поскольку позволяет исследователю отсекал труды ученых, пусть идентифицирующих себя с экономическим материализмом, но не соответствующих (или не всегда соответствующих) заявленному критерию. Данный подход априори (то есть волей исследователя) конструирует историографическое направление и мешает его изучению в развитии. Впрочем, такой подход типичен для того времени.

Нечкина несколько раз подчеркивает, что экономический материализм возник как особое течение в «пылу полемики» (С. 26). Следствием этого стало «обострение крайностей» и «утрировка взглядов». В дальнейшем теория эволюционировала, но ее базовые теоритические установки оставались неизменными.

Обращаясь к развитию экономического материализма в России, Нечкина относил его появ-

ление к 90-м гг. XIX в. и связывает его с полемикой между марксистами и народниками. Первых представляли П. Б. Струве и Г. В. Плеханов, но действительно первым приложением теории экономического материализма она называет монографию М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898).

В книге упоминается и работа В. Ильина (В. И. Ленина) «Развитие капитализма в России». Появление этой книги связывалось с полемикой с народниками, то есть ее появление вписывается в генезис всего экономического материализма как особого направления. Но является ли данная работа «приложением» экономического материализма? Нечкина посчитал, что нет: «Она охватывает очень маленький период... Она касается только и исключительно экономической истории России и совершенно не задается вопросом проследить влияние экономики на политику, право, моральные воззрения эпохи... Перед нами экономический труд, а не исторический в широком смысле слова» (С. 47–48).

В центре внимания автора оказались две фигуры, знаковые для развития экономического материализма в России – Н. А. Рожков и М. Н. Покровский. Причем сравнение обоих историков выстраивалось не только, и даже не столько, по линии их исторических концепций, сколько по линии отношения к историческому источнику, факту и стилистике текстов. Вообще отношению к источнику автор придавала очень большое значение: «Метод историка, конечно, прежде всего сказывается на его отношении к источникам» (С. 107). Нечкина отмечает любопытную деталь отношения к источникам представителей экономического материализма – их априорный скепсис к официальным документам, обусловленный признанием надстроечного характера государства и права.

Нечкина не стесняется использовать по отношению к Рожкову и его концепции такие словосочетания, как «поражаешься грубостью» [приложения теории к конкретно-историческим исследованиям. – В. Т.]; «Рожков является фанатиком исторической закономерности»; «Рожков режет, рубит. Иногда его исследования поражают какой-то кустарной грубостью». Нечкина подчеркивала, что исторический монизм – важнейший признак экономического материализма, несмотря на повышенный интерес Рожкова к исторической психологии, пронизывает все его научное творчество. Отношение к источнику и историческому факту у Рожкова потребительское, их анализ всегда приносится в жертву концептуальной

схеме. Он часто грешит нарушением принципа синхронизации при сравнительно-историческом анализе. Кроме того, Нечкина ловит Рожкова и на концептуальных противоречиях. Так, с ее точки зрения, он иногда, сам того не замечая, скатывается к позициям юридической школы, описывая русское государство как «самодовлеющую силу». Тем не менее, как достижение рассматривается всемирно-исторический охват построений Рожкова.

М. Н. Покровский, по мнению автора, является противоположностью Рожкова. «Пожалуй самой отличительной чертой М. Н. Покровского, как исследователя, является тонкость его анализа» (С. 103–104), – заявляет Нечкина. Он «поражает тонкостью психологического анализа отдельных конкретных случаев» (С. 104). Манеру изложения материала М. Н. Покровским Нечкина называет «живой и злободневной».

Впрочем, от ее внимания не ускользнуло и то, что в работах М. Н. Покровского заметен отрыв теории от конкретно-исторического материала. Дальше-больше: «Прежде всего, ясно, что Покровский, в противоположность Рожкову, совершенно не связан своей схемой» (С. 114). И еще: «Увлеченный фактическим исследованием, он в двух трудах дает две разные схемы» (С. 115). Интересно, что такая непоследовательность преподносится Нечкиной скорее как достоинство.

Наконец, итоговое сравнение: «Казалось бы и далее все должно бы было совпадать: теоретические воззрения одинаковы, материал один и тот же. Между тем – какая разница в их работах. Это – противоположные типы исторических исследователей. Рожков сначала думает об истории, затем мысли свои прилагает к живому исследованию исторического материала, сначала создает социологическую схему, а потом укладывает факты на ее прокрустово ложе. Покровский сначала исследует, а потом отвечает, обобщает, составляет социологические взгляды на общий ход исторического развития, Рожков сначала философ истории, а затем историк, – обычно это очень невыгодное положение. Покровский сначала – историк – исследователь, а затем философ истории, социолог. Рожков – схематизатор. На прокрустовом ложе теории он режет и вытягивает живую ткань исторических событий, как ему кажется более удобным, более соответствующим интересам теории. Покровский – “жизнелюб”. Все его расхождения с теорией экономического материализма как-то глубоко трогательны: он сам не замечает их, увлекаясь процессом исследовательской работы» (С. 121). Вообще, в глаза бросается откровенное

любование Покровским и гиперкритичное отношение к Рожкову. Более того, большая часть «метафоричного сарказма» Нечкиной обрушивается именно на Рожкова.

Много внимания было уделено разбору книги Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (1918). В ней Нечкина обнаруживает связь Плеханова со многими старыми школами, и на основании этого отказывает ему в принадлежности к экономическому материализму. Обнаружение генетической связи с предыдущей историографической традицией стало своеобразным мостиком для обращения к этой традиции. По ее наблюдениям, на историческую концепцию Плеханова самое сильное влияние оказал В. О. Ключевский.

В следующей главе Нечкина предложила довольно обширный экскурс в историю исторической мысли, показывая длительную традицию интереса отечественной историографии к экономической истории. Такое решение выглядит несколько странно, т.к. логичнее таким обзором было бы предварять исследование. Интересно, что в тезисах именно так и делается, и первым идет положение, утверждающее давние традиции интереса русских историков к экономическим вопросам: «Экономический материализм не является случайным и наносным явлением в русской историографии. Почва для него была не только подготовлена ранее, но и многие основные его положения уже были высказаны и обоснованы прежними историками» (С. 202). Таким образом, Нечкина в значительной степени отрицала «импортированный» характер экономического материализма и доказывала его органичное появление на почве отечественной исторической науки. Очевидно, что в данном случае напрашивался специальный анализ соотношения внешних и внутренних факторов генезиса экономического материализма в России, но автор, к сожалению, этого не сделала. Интересно, что проблемы развития экономического материализма как особого теоретико-методологического направления оказались в поле зрения патриарха отечественного обществознания, Н. И. Кареева. Правда, он рассматривал экономический материализм (в том числе и как историографическое направление) в контексте развития русской социологии. В начале 1930 г. им была завершена монография «Очерки по истории социологии в России» [Ученый в эпоху перемен: 2015, С. 49]. К сожалению, исследование полностью увидело свет только в 1996 г. Так же, как и Нечкина, Кареев проводит интерналистское объяснению появления экономического ма-

териализма в отечественной науке [Кареев: 1996, С. 190]. Вообще стоит отметить, что набор персоналий, оказавшихся в центре внимания Нечкиной и Кареева, в целом совпадает.

Подводя итог своим историографическим изысканиям, Нечкина подчеркивала, что ни один из многочисленных историков, чьи труды подверглись анализу в монографии, не смог до конца остаться верным теории. Заметим, что одно это уже ставит под сомнение ключевое положение Нечкиной о том, что именно экономический материализм являлся главным критерием выделения трудов как принадлежащих к экономическому материализму. Получается, что полноценных трудов, написанных с позиций этого направления, нет вообще. Тем не менее, Нечкина считала, что у направления есть немалый потенциал, и его развитие еще не закончилось. Но понятие «экономический материализм» довольно быстро исчезло из лексикона историков и обществоведов. И причины этого лежали не только в политических реалиях (хотя и в них тоже). Просто само понятие оказалось слишком аморфным.

Широко известно, что монография Нечкиной вызвала неоднозначную реакцию. Представители молодого поколения историков-марксистов, к которым тянулась Нечкина, в целом оценили работу негативно [Невский: 1923, С. 181–182; Дитякин: 1923, С. 178–183; Линцер: 1923, С. 183–187; Грасин: 1923, С. 134–135]. Положительно, пусть и неофициально, оценил книгу С. Ф. Платонов. Его мнение передал Нечкиной в частном письме ее знакомый А. И. Никифоров: «...А работа не ничтожество.

Это не то, что работа здешнего Воскресенского, да даже и Покровского. Она свое место займет в историографии. Она нулем не будет» [Беленький: 2011, С. 20].

В дальнейшем Нечкину неоднократно обвиняли в методологических и политических ошибках, якобы допущенных в данной книге. Ей пришлось написать специальное письмо в журнал «Историк-марксист», в котором она признавала ошибки, но объясняла их творческой незрелостью [Историк-марксист: 1929, С. 278]. В 1961 г. в ошибках, допущенных в ранней работе, ее обвинил М. Е. Найденев [Найденев: 1962, С. 86].

Как уже отмечалось выше, интерес к монографии со стороны специалистов по истории исторической науки существенно вырос в последнее время. И это не случайно. Нечкина постаралась сформулировать новаторский для того времени подход к историографическому исследованию, сутью которого стал анализ методологии и концепций исторических трудов в тесной связи с личностью ученого. Впрочем, данный подход реализовывался ее непоследовательно и ограничено. Тем не менее, поиски начинающего историка вписываются в общий культурный и научный контекст модернистской эпохи первой трети XX в., для которой свойственно новое «открытие» человеческой личности и признание того, что содержание научного знания во многом определяется личностью ученого-творца. Описанные идеи созвучны современным конструктивистским теориям..

Список литературы

1. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Российская история. 2014. № 2.
2. Астафьев А. А., Галлиулина Д. М., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университета. Казань, 2003. 180 с.
3. Беленький И. Л. Книга М. В. Нечкиной «Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) (Казань, 1922) // «История в человеке» – академик М. В. Нечкина : Документальная монография. М., 2011.
4. Вандалковская М. Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки: историографический вестник. 2001. М., 2001.
5. Вандалковская М. Г., Дунаевский В. А. Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности // Милица Васильевна Нечкина. М., 1987. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия история. Вып. 17).
6. Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. 38 с.
7. Грасин К. Рец.: Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) // Под знаменами марксизма. 1923. № 1-2. С. 134–135.
8. Гребенкина А. Н. Научно-педагогическая деятельность М. В. Нечкиной в начале 20-х гг.: казанский период : автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 1992.

9. Гришина Н. В. "Анахронизм наших печальных дней": Российская диссертационная система на рубеже 1910–1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков сборник статей. Челябинск, 2011.
10. Гришина Н. В. Как стать университетским преподавателем? Случай С. А. Пионтковского // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2.
11. Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014.
12. Дитякин В. Т. Пустая ученость // Казанский библиофил. 1923. № 4.
13. Дневник М. В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / публ. А. Н. Бикташевой. Казань, 2003. 108 с.
14. «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной / сост., автор вступ. ст. и комментариев Е. Р. Курапова. М., 2013. 824 с.
15. Ив. Ж. Социология науки. М., 2017. 112 с.
16. Иванов А. Е. Ученое достоинство в Российской империи XVIII – начало XX века: Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. 656 с.
17. Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 278.
18. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996. 368 с.
19. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. 213 с.
20. Колесник И. И. Историография в контексте теории сетей // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сб. ст. М., 2013. Т. I.
21. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная история интеллектуальных изменений. Новосибирск, 2002. 1182 с.
22. Леонтьева О. Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3.
23. Линцер Г. Ф. Несколько слов о критике и критиках // Печать и революция. 1923. № 7.
24. Малинов А. В. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2009. 335 с.
25. Найденов М. Е. Проблема периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962.
26. Невский В. И. Рец.: Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922 // Печать и революция. 1923. № 7.
27. Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) / Фрагмент книги. Предисловие И. Л. Беленького // Россия и современный мир. 2005. № 2.
28. Покровский М. Н. Экономический материализм. М., 1906. 38 с.
29. Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Часть 1. Волгоград, 1999. 144 с.
30. Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов. Материалы международной конференции (Москва, РАНХиГС, 30–31 октября 2014 г.). М., 2016. 224 с.
31. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его эпоха. М., 1976. 224 с.
32. Сидорова Л. А. Советская историческая наука в лицах: академик М. В. Нечкина // Российская история. 2014. № 6.
33. Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / пер. с итал. О. Поповой. М., 2013. 363 с.
34. Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. 191 с.
35. Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1996. 400 с.
36. Суслов С. И. История возникновения и становления сетевого анализа // Власть. 2017. № 2.
37. Ученый в эпоху перемен: Н. И. Кареев в 1914–1931 гг.: исследования и материалы / автор-составитель Е. А. Долгова. М., 2015. 512 с.
38. Федоров В. А. Нечкина Милица Васильевна // Историки России: Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001.
39. Черепнин Л. В. Академик М. В. Нечкина (творческий путь) // Отечественные историки. XVIII–XX вв. Сборник статей, воспоминаний, выступлений. М., 1984.

40. Черная Е. Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки : дисс...канд. ист. наук. Новосибирск, 2014. 242 с.

Сведения об авторе

Тихонов Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Москва, Россия.
tihonovvitaliy@list.ru

Magistra Vitae.
2018. No 1. P. 199–212.

LONGING FOR A METHOD: M. V. NECHKINA AND HER FIRST MONOGRAPH RUSSIAN HISTORY IN THE COVERAGE OF ECONOMIC MATERIALISM

V. V. Tikhonov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. tihonovvitaliy@list.ru

The article is devoted to the first monograph of M. V. Nechkina Russian history in the coverage of economic materialism (1922). The article describes in detail the history of the study which is considered as a theoretical and methodological ground for a young historian who seeks to develop his own approach to historical research. The author emphasizes that the book reflected numerous methodological trends peculiar to the process of transition from classical to non-classical model of science. This was the reason for the internal inconsistency of M. V. Nechkina's work. The article also discusses the history of the monograph as the strategy of Nechkina to enter the academic community. The source base of the article contains the text of the monograph, personal and working diaries by Nechkina, as well as her bibliographic notes deposited in the personal archive fund. The used sources show that Nechkina tried to formulate an innovative approach to historiographical research, the essence of which was to analyze the methodology and concepts of historical works in close connection with the personality of their author.

Keywords: *history of historical science, M. V. Nechkina, historical materialism, nonclassical science.*

References

1. Alevras N. N., Grishina N. V. (2014) Dissertacii istorikov i zakonodatel'nye normy (1860–1920-e gg.) [Theses historians and legislation (1860–1920-ies.)], in: *Rossijskaja istorija* [Russian history]. No. 2 (in Russ.).
2. Astaf'ev A. A., Galliulina D. M., Malysheva S. Ju. and Sal'nikova A. A. (2003) *Izuchenie i prepodavanie otechestvennoj istorii v Kazanskom universiteta* [The study and teaching of Russian history at Kazan University]. Kazan', 180 p. (in Russ.).
3. Belen'kij I. L. (2011) Kniga M. V. Nechkinoj «Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskij ocherk)» [Book by M. V. Nechkina " Russian history in the coverage of economic materialism (historiographic essay)], in: «*Istorija v cheloveke*» – akademik M. V. Nechkina: *Dokumental'naja monografija* ["History in man "- Academician MV Nechkina: Documentary monograph]. Moscow (in Russ.).
4. Vandalkovskaja M. G. (2001) *Istorija istoricheskoy nauki v tvorchestve Milicy Vasil'evnoj Nechkinoj* [History of historical science in the works of Militsa Vasilievna Nechkina], in: *Istorija i istoriki: istoriograficheskij vestnik* [History and historians: historiographic bulletin]. Moscow (in Russ.).
5. Vandalkovskaja M. G. and Dunaevskij V. A. (1987) *Kratkij ocherk nauchnoj, nauchno-organizacionnoj, pedagogicheskoy i obshhestvennoj dejatel'nosti* [Brief essay of scientific, scientific-organizational, pedagogical and social activities], in: *Milica Vasil'evna Nechkina*. Moscow (in Russ.).
6. Vipper R. Ju. (1921) *Krizis istoricheskoy nauki* [The crisis of historical science]. Kazan', 38 p. (in Russ.).

7. Grasin K. (1923) Rec.: Nechkina M. V. Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskij ocherk) [Retz.: Nechkina M. V. Russian history in the coverage of economic materialism (historiographic essay)], in: *Pod znamenami marksizma* [Under the banner of Marxism]. No. 1-2, pp. 134–135 (in Russ.).
8. Grebenkina A. N. (1992) *Nauchno-pedagogicheskaja dejatel'nost' M.V. Nechkinoj v nachale 20-h gg.: kazanskij period* [Scientific and pedagogical activity of M. V. Nechkina in the early 20-ies.: Kazan period]. Kazan' (in Russ.).
9. Grishina N. V. (2011) "Anahronizm nashih pechal'nyh dnei": Rossijskaja dissertacionnaja sistema na rubezhe 1910–1920-h godov ["Anachronism of our sad days": the Russian dissertation system at the turn of the 1910–1920-ies], in: *Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI vekov sbornik statej* [History and historians in the space of national and world culture XVIII–XXI centuries collection of articles]. Cheljabinsk (in Russ.).
10. Grishina N. V. (2016) Kak stat' universitetskim prepodavatelem? Sluchaj S.A. Piontkovskogo [How to become a University teacher? In The Case Of C. A. Piontkovsky], in: *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: an electronic journal on historical sciences and archeology]. No. 2 (in Russ.).
11. Grishina N. V. (2014) Ot «ostavlennyh dlja podgotovki k professorskomu zvaniju» k sovetskim aspirantam: transformacija sistemy vosproizvodstva nauchnyh kadrov v 1860–1920-e gg. [From "left to prepare for the professorship" to Soviet post-graduate students: transformation of the system of reproduction of scientific personnel in the 1860-1920-ies.], in: *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik* [The world of the historian: historiographical collection]. Issue 9, Omsk (in Russ.).
12. Ditjakin V. T. (1923) Pustaja uchenost' [Empty learning], in: *Kazanskij bibliofil* [Kazan bibliophile]. No. 4 (in Russ.).
13. Dnevnik M. V. (2003) *Nechkinoj: Kazan' i Kazanskij universitet (1917–1924 gg.)* [The diary of M. V. Nechkina: Kazan and the Kazan University (1917–1924 gg.)]. Kazan', 108 p. (in Russ.).
14. «I muchilas', i rabotala neverojatno»: *Dnevniki M.V. Nechkinoj* (2013) ["And suffered, and worked incredibly": the Diaries of M. V. Nechkina]. Moscow, 824 p. (in Russ.).
15. Iv. Zh. (2017) *Sociologija nauki* [Sociology of science]. Moscow, 112 p. (in Russ.).
16. Ivanov A. E. (2016) *Uchenoe dostoinstvo v Rossijskoj imperii XVIII-nachalo XX veka: Podgotovka i nauchnaja attestacija professorov i prepodavatelej vysshej shkoly* [Scientific dignity in the Russian Empire XVIII-beginning of XX century: Training and scientific certification of professors and teachers of higher education]. Moscow, 656 p. (in Russ.).
17. *Istoriik-marksist* (1929) [Marxist historian]. Vol. 11, p. 278 (in Russ.).
18. Kareev N. I. (1996) *Osnovy russkoj sociologii* [The foundations of Russian sociology]. SPb., 368 p. (in Russ.).
19. Kireeva R. A. (1983) *Izuchenie otechestvennoj istoriografii v dorevoljucionnoj Rossii s serediny XIX v. do 1917 g.* [The study of national historiography in pre-revolutionary Russia since the mid-nineteenth century to 1917]. Moscow, 213 p. (in Russ.).
20. Kolesnik I. I. (2013) Istoriografija v kontekste teorii setej [Historiography in the context of network theory], in: *Istoriograficheskie chtenija pamjati professora Viktora Aleksandroviča Murav'eva. Sb. st.* [Historiographic reading of the memory of Professor Victor Aleksandrovič Muravyov. Sat. Art.]. M., Vol. I (in Russ.).
21. Kollinz R. (2002) *Sociologija filosofij: Global'naja istorija intelektual'nyh izmenenij* [Sociology of philosophies: a global history of intellectual change]. Novosibirsk, 1182 p. (in Russ.).
22. Leont'eva O. B. (2015) Krizis v rossijskoj istoricheskoj nauke rubezha XIX – XX vv. v ponimanii sovremennoj istoriografii [The crisis in the Russian historical science of the XIX – XX centuries in the understanding of modern historiography], in: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Student's notes of Kazan University. Series: The humanities]. Vol. 157. No. 3 (in Russ.).
23. Linscer G. F. (1923) Neskol'ko slov o kritike i kritikah [A few words about criticism and critics], in: *Pечат' i revoljucija* [Printing and revolution]. No. 7 (in Russ.).
24. Malinov A. V. (2009) *Teoretiko-metodologicheskie iskanija v russkoj istoricheskoj i filosofskoj mysli vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Theoretical and methodological searches in Russian historical and philosophical thought of the second half of the XIX - beginning of the XX century]. SPb., 335 p. (in Russ.).

25. Najdenov M. E. (1962) Problema periodizacii istorii sovetskoj istoricheskoj nauki [The problem of periodization of the history of Soviet historical science], in: *Istorija SSSR* [History of USSR]. (in Russ.).

26. Nevskij V. I. (1923) Rec.: Nechkina M. V. Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskij ocherk). Kazan', 1922 [Retz.: Nechkina M. V. Russian history in the coverage of economic materialism (historiographic essay). Kazan, 1922], in: *Pechat' i revoljucija* [Printing and revolution]. No. 7 (in Russ.).

27. Nechkina M. V. (2005) Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskij ocherk) [Russian history in the coverage of economic materialism (historiographic essay)], in: *Rossija i sovremennyy mir* [Russia and modern world]. No. 2 (in Russ.).

28. Pokrovskij M. N. (1906) *Jekonomicheskij materialism* [Economic materialism]. Moscow, 38 p. (in Russ.).

29. Ramazanov S. P. (1999) *Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka* [The crisis in the Russian historiography of the early XX century]. Part 1, Volgograd, 144 p. (in Russ.).

30. *Russkaja intellektual'naja revoljucija 1910–1930-h godov* (2016) [Russian intellectual revolution of 1910-1930]. Moscow, 224 p. (in Russ.).

31. Safronov B. G. (1976) *Istoricheskoe mirovozzrenie R. Ju. Vippera i ego jepoha* [Historical worldview of R. Yu. Whipper and his era]. Moscow, 224 p. (in Russ.).

32. Sidorova L. A. (2014) Sovetskaja istoricheskaja nauka v licah: akademik M.V. Nechkina [Soviet historical science, in the persons: academician M. V. Nechkina], in: *Rossijskaja istorija* [Russian history]. No. 6 (in Russ.).

33. Stejla D. (2013) *Nauka i revoljucija: Recepcija jempiriokriticizma v russkoj kul'ture (1877–1910 gg.)* [Science and revolution: the Reception of empiriocriticism in Russian culture (1877–1910)]. Moscow, 363 p. (in Russ.).

34. Stjopin V. S. (1992) *Filosofskaja antropologija i filosofija nauki* [Philosophical anthropology and philosophy of science]. Moscow, 191 p. (in Russ.).

35. Stjopin V. S., Gorohov V. G., Rozov M. A. (1996) *Filosofija nauki i tehniki* [Philosophy of science and technology]. Moscow, 400 p. (in Russ.).

36. Suslov S. I. (2017) Istorija vznikovenija i stanovlenija setevogo analiza [History of origin and development of network analysis], in: *Vlast'* [Power]. No. 2 (in Russ.).

37. *Uchenyj v jepohu peremen: N. I. Kareev v 1914–1931 gg.: issledovanija i materialy* (2015) [Scientist in the era of change: N. And. Kareev in 1914-1931: research and materials]. Moscow, 512 p. (in Russ.).

38. Fedorov V. A. (2001) *Nechkina Milica Vasil'evna, in: Istoriki Rossii: Biografii* [Historians of Russia: Biographies]. Moscow (in Russ.).

39. Cherepnin L. V. (1984) Akademik M. V. Nechkina (tvorcheskij put') [The academician M. V. Nechkina (creative way)], in: *Otechestvennye istoriki. XVIII-XX vv. Sbornik statej, vospominanij, vystuplenij* [Domestic historians. XVIII-XX centuries. Collection of articles, memoirs, speeches]. Moscow (in Russ.).

40. Chernaja E. Ju. (2014) *Milica Vasil'evna Nechkina – istorik otechestvennoj istoricheskoj nauki* [Militsa V. Nechkina-historian of Russian historical science]. Novosibirsk, 242 p. (in Russ.).